

№

18

Атрактъ выходитъ ежедѣльно. Цѣна изданію—за годъ (50 №№): безъ доставки—2 р., съ доставкою на домъ въ Москвѣ—2 р. 50 к. и съ пер. въ другіе города—3 р. 50 к., за полгода: безъ доставки 1 р. 25 к., съ доставкою на домъ въ Москвѣ 1 р. 50 к., и съ пересылкою въ другіе города 2 р., за 3 мѣсяца: безъ доставки 75 к., съ доставкою на домъ въ Москвѣ 1 р. и съ пересылкою въ другіе города 1 р. 50 к. Цѣна отдѣльному экземплярѣ нумера 10 к. Подписка принимается: въ Москвѣ—въ конторѣ Атракта при типографіи П. П. Смирнова (на Никольской улицѣ), въ типографіи императорскихъ театровъ Т. Рѣса (у Мысницкихъ воротъ), у книгопродавцевъ: бр. Саласкихъ, Соловьева, Чершина и Глаунова, въ магазинахъ Нардовскаго и Корещенко старшаго, въ почтамтѣ и во время спектаклей въ книжной лавкѣ Большаго театра; въ С.-Петербурѣ—въ книжномъ магазинѣ А. П. Давыдова, на Невскомъ проспектѣ.

Содержаніе: Московскій театръ (Г-жа Зернова въ «Женихъ изъ долговаго отдѣленія», *Н. Г. Леонтьева*. Г-жа Горохова 2-я въ «Войкой барынь», *А. Н. Плещеева*. Бенедикъ суфлеровъ Ермолова и Витнебена, *В. И. Родиславскаго*).—Замѣтка на статью о второмъ публичномъ спектаклѣ Артистическаго Кружка, *Н. Е. Вильде*.—Три письма къ редактору.—Смѣсь (Частный пародный театръ. Итальянская опера въ Москвѣ).

МОСКОВСКІЙ ТЕАТРЪ.

Г-ЖА ЗЕРНОВА ВЪ «ЖЕНИХЪ ИЗЪ ДОЛГОВАГО ОТДѢЛЕНІЯ».

3-го мая мы видѣли на нашей сценѣ новую актрису московскаго театра, г-жу Зернову, появившуюся на ней только во второй разъ. Она играла въ пьесѣ *Женихъ изъ долговаго отдѣленія* роль Грязовской и, къ сожалѣнію нашему, мало имѣла успѣха. Говоримъ къ сожалѣнію, потому, что съ талантомъ г-жи Зерновой мы были уже знакомы прежде, по участию ея въ бывшемъ Кружкѣ любителей драматическаго искусства и въ нѣкоторыхъ другихъ любительскихъ спектакляхъ. Мы помнимъ, что она хороша была въ роляхъ Кукушкиной (*Должное мѣсто*) и Барсуковой (*Литочка*). Въ ея же репертуарѣ была и роль Грязовской и въ этой роли въ любительскихъ спектакляхъ она имѣла болѣе успѣха, нежели на сценѣ Малаго театра. Вообще, переходъ актеровъ-любителей на императорскую сцену труденъ, и рѣдкій изъ нихъ, какъ бы талантливъ онъ ни былъ, совершаетъ этотъ переходъ удачно. Неотвязчивая робость, чувствуемая актеромъ при первыхъ его опытахъ на казенной сценѣ, не столько передъ публикою, какъ думаютъ иные, сколько передъ своими новыми опытными товарищами по искусству, впервые раждающееся тревожное сознаніе, что онъ на сценѣ болѣе не любитель, играющій для своего удовольствія, а уже дол-

жное лицо, обязанное исполнить свою роль хорошо, во что бы-то ни стало, непривычка къ большому размѣру сцены и зрительскаго зала, требующимъ отъ актера гораздо болѣе движенія и успленно громкой дикціи.—все это, вмѣстѣ взятое, много препятствуетъ отчетливому исполненію его роли, пока сила привычки не возьметъ накопецъ верхъ надъ этою робостію и не побѣдитъ другихъ затрудненій, впервые встречаемыхъ имъ на большой сценѣ. Этими общими для всѣхъ актеровъ-новичковъ затрудненіями мы отчасти объясняемъ себѣ неуспѣхъ г-жи Зерновой въ спектаклѣ 3 мая, хотя на этотъ разъ мы видѣли тому и другую причину, которая должна пасть уже на совѣсть участвовавшихъ вмѣстѣ съ г-жею Зерновой артистовъ. Потому-ли, что пьеса «*Женихъ изъ долговаго отдѣленія*» частымъ повтореніемъ на сценѣ падошла имъ, или почему нибудь другому, но она съ каждымъ разомъ у насъ исполняется все хуже и нерадвѣе. Роли выучены не болѣе того, чтобы только знать содержаніе пьесы, и въ послѣднее представленіе, не смотря на все живѣйшее участіе суфлера, кричавшаго во все горло, текстъ пьесы былъ измѣненъ на столько, что осталось немного подлинныхъ фразъ автора. Это былъ какой-то разговоръ на заданную тему, а не исполненіе ролей, которыя должны быть выучены *слово въ слово*, какъ бы пьеса плоха ни была, хотя про комедію «*Женихъ изъ*

долговаго отдѣленія» и этого сказать нельзя. Конечно, г. Садовскій, болѣе другихъ импровизировавшій свою роль (Ладыжкѣ), какъ опытный актеръ и любимецъ публики, для большинства которой измѣненіе текста пьесы осталось незамѣтнымъ, вмѣлъ по обыкновенію успѣхъ и, можетъ быть, его импровизаціи не могли сбивать съ толку гг. Никифорова (Чижикъ) и Живокнип 2-го (Счастивъ), съ которыми онъ ужъ давно играетъ эту пьесу, по какому было въ первый разъ играть съ нимъ г-жѣ Зерновой, каково, напримѣръ, положеніе актрисы, привыкшей отчетливо, буквально учить свою роль, ждать при исполненіи ея извѣстныхъ репликъ и не дожидаться, и по этому не зная, пора ли ей начать свою рѣчь или еще рано? Въ минуты этого раздумья, у ней естественно являлись ненужныя паузы, которыя портятъ ея игру. Наконецъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ г. Садовскій своимъ комическими приемами, сопѣлъ требуемымъ текстомъ пьесы, отвлекалъ отъ г-жи Зерновой вниманіе публики. Такъ, напримѣръ, когда Грязовская говоритъ: *Подчеркну: я люблю тебя* и т. д., онъ позади ея дѣлалъ къ ней какіе-то подходы, смѣивавшіе публику на столько, что она вѣроятно совсѣмъ не слыхала этого комического монолога г-жи Зерновой. Мы глубоко сочувствуемъ таланту г. Садовскаго, но тѣмъ болѣе желаемъ, чтобы онъ съ одинаковымъ вниманіемъ относился къ каждой исполняемой имъ роли и отнюдь не прибѣгалъ къ непужнымъ фарсамъ, потому что его истинный талантъ не нуждается въ пустыхъ украшеніяхъ. Что же касается до г-жи Зерновой, то въ дальнѣйшей ея дѣятельности мы желаемъ ей большаго успѣха. Только въ выборѣ ролей советуемъ ей быть осторожнѣе и, между прочимъ, избѣгать ролей сентиментальныхъ, которыя несколько идутъ къ ней.

И. Леонтьевъ.

Г-ЖА ГОРОХОВА 2-Я ВЪ «БОЙКОЙ БАРЫНѢ».

Наконецъ, послѣ разныхъ Финетки Флоретъ, г-жа Горохова рѣшилась выступить въ русской, оригинальной пьесѣ. *Бойкую Барыню* г. Турбина, конечно, нельзя назвать художественнымъ произведеніемъ, но все же это очень педурная литературная вещьца, обнаруживающая въ ея авторѣ нѣкоторую наблюдательность, хотя и не особенно-глубокую, близкое знакомство съ изображаемымъ бытомъ, и написанную хорошимъ языкомъ. Правда, что главное лицо пьесы (т. е. сама капитанша) нѣсколько подепльно, но все же и въ немъ можно уловить двѣ, три черты довольно жизненныя и сообщающія ей особенный отбѣнокъ, свойственный преимущественно полковымъ дамамъ. У ней есть кое-какія военныя замашки, которыя непремѣнно покрововали бы дамамъ, не принадлежащихъ къ полковому обществу; обращеніе ея съ офицерами фамильярно—она ихъ называетъ по фамиліямъ; — разговоръ ея пертится весь на сердечныхъ дѣлахъ; она немножко привыкла командовать; не прочь устроить свадьбу, хотя бы только для того,

чтобы поплясать на ней и показать свое новое платье. Роль эта очень благодарная, особенно для актрисы съ привлекательной наружностью. Авторъ, какъ видно, хорошо знаетъ вкусъ и требованія публики и не упустилъ изъ виду ничего, что можетъ вызвать аплодисменты и доставить легкое торжество хорошему исполнителю. Доказательствомъ тому служатъ хоть бы заключительные стихи, совершенно въ родѣ подепльныхъ куплетовъ, гдѣ актеры сравниваются съ солдатами, просятъ у публики свисхожденія и поощренія и упѣряютъ ее, что они «ради стараться». Не знаемъ, какъ на насъ, читатель, по на насъ эти заключительные стихи производятъ всегда самое неприятное впечатлѣніе, точно такое же, какое производитъ кокетка, намѣренно напрашивающаяся на комплиментъ. И ничто такъ не нравится большинству публики, какъ подобныя выходки. Актеръ или актриса могутъ сыграть очень плохо всю пьесу, но, прочиташи или пропѣвши такой куплетъ съ извѣстнымъ удареніемъ на нѣкоторыхъ словахъ, съ такъ называемымъ «подчеркиваньемъ» этихъ записывающихся словъ, они непремѣнно вызовутъ громъ рукоплесканій. Мы помнимъ на нашей сценѣ представленіе пекспровской комедіи *Все хорошо, что хорошо кончится*, комедіи, исполненной истинно художественныхъ, поэтическихъ красотъ, но оканчивающейся также обращеніемъ короля къ публикѣ. Обращеніемъ этимъ Шекспиръ вѣроятно платилъ дань своему времени, какъ и многими другими вещами, встрѣчающимися въ его пьесахъ, колосальныя достоинства которыхъ, конечно, съ лихвой выкупаютъ эти микроскопическіе недостатки. Но все прекрасное въ названной нами комедіи, хотя и нравилось публикѣ, но далеко не возбуждало того восторга, который постоянно вызывали заключительныя слова короля, относящіяся къ зрителямъ. Поставьте на мѣсто г. Самарина, весьма недурно исполнявшаго роль короля, какому угодно актера, хоть въ родѣ покойнаго Ольгина, или пстербургскаго Толченова 1 го (тоже покойнаго, мы не называемъ живыхъ и здравствующихъ, чтобы гусей не раздражить) и восторгъ непремѣнно будетъ тотъ же. Очень ужъ мы должны быть мягкосерды и не можемъ безъ умиленія слышать, какъ къ намъ обращаются съ просьбой о свисхожденіи. Современные творцы разныхъ сценъ и водевилей, не обладая шекспировскими достоинствами и зная за своимъ произведеніемъ значительныя грѣшки, не упускаютъ случая заставить хорошеющую актрису ходатайствовать за нихъ передъ публикой и рѣдко ошибаются въ расчетѣ. На покойную Колосову, исполнявшую роль *Бойкой барыни* почти безукоризненно, эти заключительные стихи имѣли весьма дурное вліяніе. Публика такъ щедро поощряла ее за ихъ рукоплесканіями и вызовами, что она дошла до крайнихъ предѣловъ «подчеркиванья» и изллияшимъ стараніемъ много испортила свою. «*Si tout pas trop de zele!*» Это талсйравское изреченіе очень часто приходится примѣнять къ игрѣ актеровъ. Мы посоветовали бы и новой дебютанткѣ, г-жѣ Гороховой, тоже избѣгать этого подчеркиванья, дающаго

такой легкой успѣхъ. Но что скажемъ мы объ остальной игрѣ ея въ *Бойкой барынь*? Прозвучавшая, она далеко не удовлетворила насъ. Въ этой игрѣ сказавшая прежде всего воспитанница театральнѣйшей школы, никогда не видавшая жизни и не имѣющая ни малѣйшаго понятія о томъ типѣ полковой дамы, изобразить который она взялась. Въ приемахъ, въ тонѣ ея, во всемъ, видна была также Фивета, или Флорета. Всѣ черты, придающія *Бойкой барынь* характерность, были сглажены г-жею Гороховой. Если хотите, она «по своему» была очень мила; были у ней и развязность и грація, были даже мѣста, очень просто и естественно сыгранныя. Но русскаго и преимущественно *полюбоваго* не было ничего. Вышло что-то сопѣемъ безличное, совѣемъ водевильное. Мы бы посоветовали также молодой артисткѣ отвыкать отъ сентиментальной аффектаціи въ произношеніи нѣкоторыхъ словъ. Это, можетъ быть, было у мѣста въ театральнѣйшей школѣ, если «жантльмичанье» тамъ и вѣнчилось, но на сценѣ этого слѣдуетъ избѣгать. Публика относилась къ г-жѣ Гороховой гораздо холоднѣе прежняго; только заключительные стихи, по обыкновенію, произвели свой эффектъ и, благодаря имъ, артистка была вызвана. Но мы бы желали, чтобы г-жа Горохова не приняла этого вызова за доказательство того, что она сыграла всю пѣсню удовлетворительно. Да не посѣтуетъ на нашъ отзывъ г-жа Горохова. Намъ кажется, что къ начинающимъ артисткамъ нужно всегда быть строгимъ. Мы съ полнымъ и искреннимъ сочувствіемъ встрѣтили дебюты г-жи Гороховой и душевно желали бы, чтобы изъ нея выработалась истинно хорошая артистка, и потому считаемъ крайне недоброоубѣстнымъ умалчивать объ ея недостаткахъ, при самомъ началѣ ея попога поприща. Г-жѣ Гороховой нужно, прежде всего, трудиться и присматриваться къ окружающей ее дѣйствительности. Она еще слѣпкомъ недавно начала жить самостоятельно. Жизнь въ школѣ, въ четырехъ стѣнахъ, нельзя назвать жизнью. Она не даетъ никакой пищи наблюдательности; нужно приходиться въ столкновеніе съ разнообразными типами всѣхъ сословій и нужно при этомъ знакомиться съ произведеніями даровитыхъ писателей. Русская литература, идущая по такой вѣрной дорогѣ, стремящаяся къ правдивому изображенію жизни, можетъ дать молодому артисту или артисткѣ много матеріала. Очевидно, что никто не потрудился руководить г-жу Горохову при исполненіи ею послѣдней роли. Никто не *просилъ* съ ней этой роли, никто не подалъ ей надлежащаго совѣта. Если же мы ошибаемся, то значитъ совѣтъ къ кому не годился, а потому хотя мы и строго отнесемся къ игрѣ г-жи Гороховой, по обвинять во всемъ ее одну мы никакъ не рѣшимся. Дать дебютъ молодой, неопытной артисткѣ, до сихъ поръ танцовавшей въ балетахъ, еще не все. Нужна подготовка для исполненія сколько нибудь серьезныхъ ролей. Пожалуй, можно хотѣть завтра же выпустить г-жу Горохову въ Катеринѣ (*Гроза*), но будетъ ли изъ этого толкъ?

Нельзя не пожелать, чтобы г-жа Горохова какъ можно рѣже являлась въ роляхъ Фиветъ и Флоретъ и привилась за серьезное изученіе хорошихъ русскихъ пѣсней. Дарованіе у ней есть и очень будетъ жаль, если этому дарованію не дадутъ развиться, а на первыхъ же порахъ испортятъ его французскою дребеденю.

А. Плещеевъ.

БЕНЕФИЦЪ С. ФЛЕРОВЪ ГГ. ЕРМОЛОВА И ВИННИБЕНА.

Московскіе хоршунны. пом. съ 5 д. соч. дѣлочно. Слабая струна. вод. въ 1 д., извѣст. съ французскаго *Ватпашева*. Дивертисментъ (6 мая).

Года два тому назадъ въ *Отечественныхъ Запискахъ* былъ помѣщенъ романъ Крестовскаго *Петербургскія труппы*. Вѣроятно успѣхъ этого романа соблазнилъ нашего всеяднаго драматурга, г. Дьяченко, написать спохъ *Коршуну* въ петербургскихъ, московскихъ—все равно; мѣстные условія на нихъ не имѣютъ ни малѣйшаго вліянія, они называются по мѣсту своего пребыванія: въ Петербургѣ—петербургскими, въ Москвѣ—московскими, въ Харьковѣ—вѣроятно назовутся харьковскими и т. д., на каждой провинціальной сценѣ будутъ носить мѣстное названіе. Соблазненный успѣхомъ *Петербургскихъ труппъ*, г. Дьяченко былъ впрочемъ такъ уменъ и такъ хорошо зналъ сцену, что не принялся за передѣлку для сцены романа Крестовскаго, а рѣшился создать свою собственную пѣсню, въ составъ которой входилъ бы и труппыный міръ. Но въ романѣ Крестовскаго, за отсутствіемъ достоинствъ художественныхъ, есть своего рода достоинство, такъ сказать *этнографическое*: въ *Петербургскихъ труппахъ* видно добросовѣстное, тщательное изученіе авторомъ избраннаго имъ быта, знакомство непосредственное, личное изученіе; такого-то знанія быта у знаменитаго г. Дьяченко не было, въ немъ не видать непосредственнаго изученія петербургскаго быта, да не видать впрочемъ непосредственнаго изученія и какого либо другаго быта, по за то видно если не изученіе разныхъ литературныхъ произведеній, то нѣкоторое знакомство съ ними. Лица его похожи то на героев романа Крестовскаго, то на Кречинскаго, то на Расплюева, то на лицаголевицкихъ *Игрокъ*, то на героев разныхъ французскихъ мелодрамъ, то на героев оперы Скриба *Робертъ*; они похожи то на то, то на другое, а въ результатѣ выходитъ, что они на что не похожи, потому что несколько не похожи на живыхъ людей. Но что за дѣло? Вѣдь, обладая нѣкоторымъ знаніемъ сценической постройки пѣсней, особенно папоминающей постройку пресловутыхъ французскихъ мелодрамъ, можно написать пѣсню, которую одобритъ литературно-театральнѣйшій комитетъ, которую потомъ бенефицианты и въ Москвѣ и въ Петербургѣ изберутъ для своихъ бенефисовъ, лучшіе актеры разучатъ въ ней роли, а тамъ представленіе, успѣхъ, вызовъ автора, перспективная плата и проч., и проч... Ну, какъ тутъ не написать петербургскихъ, московскихъ и какихъ хотите коршуну?

Въ новомъ произведеніи г. Дьяченко дѣйствіе начинается въ какомъ-то неопредѣленномъ пространствѣ; хотя на афишѣ и говорится, что оно происходитъ въ деревнѣ Горпныхъ, по бытѣ обитателей этой деревни такъ характерно обрисованъ, что можно только сказать: дѣйствіе происходитъ «противъ неба на землѣ», какъ говорится въ сказкѣ Ершова *Конекъ горбунокъ*. Въ этомъ неопредѣленномъ пространствѣ одно слабое существо, вѣрнѣе Горпня (мы ни какъ не рѣшимся сказать «слабый человѣкъ»), это для него слишкомъ много чести: герои г. Дьяченко имѣютъ слишкомъ мало человѣческихъ чертъ, чтобы быть достойными этого названія), борется между злымъ духомъ Вертрамомъ, изображаемымъ заѣзжимъ пріятелемъ Горпна, Паншипскимъ, и ангеломъ-хранителемъ, Алисою, изображаемою добродѣтельнымъ и мягкосердымъ исправникомъ Барсуковымъ. Вообще 1-й актъ новаго произведенія г. Дьяченко очень напоминаетъ *Роберта*. Съ одной стороны Алиса, нѣтъ, т. е. не Алиса, а добродѣтельный, мягкосердый исправникъ, а съ другой стороны Вертрамъ, т. е. не Вертрамъ, а московскій (петербургскій или какой вамъ угодно) коршунъ Пашинскій, а за сценой церковный хоръ, какъ и въ *Робертѣ*, т. е. не хоръ собственно, а жена Горпна, своими слезами и рыданіями напоминающая Роберту, т. е. не Роберту собственно, а Горпну о лучшемъ мѣстѣ, о ихъ семейной жизни, полной супружескихъ ссоръ и разныхъ семейныхъ неприятностей. Въ Москву (Петербургъ, или куда вамъ угодно), въ тотъ адъ, гдѣ живутъ разные коршунуны, влечетъ Роберта, нѣтъ, т. е. не Роберта, а Горпна, Вертрамъ, нѣтъ, т. е. не Вертрамъ (все сбиваемся), а Пашинскій; Алиса же, изображаемая мягкосердымъ исправникомъ, соглашается остаться дома. Впрочемъ оригинальнѣе г. Дьяченко скоро оставляетъ подражаніе *Роберту*, въ которомъ, какъ извѣстно, торжествуетъ Алиса, а Вертрамъ плетъ «во адъ». Такъ бы можетъ поступить ктонибудь другой, но вѣдь г. Дьяченко талантъ и у него не Алиса-Барсуковъ, а Вертрамъ-Пашинскій увлекаетъ Роберта-Горпна въ Москву, дабы тамъ онъ сорвалъ волшебную вѣтвь Розалин, т. е. позаимствовался денежками отъ своего богатаго дядюшки, ростовщика Арханова.

Во 2-мъ актѣ Робертъ-Горпня, пріибывъ въ адъ, (при представленіи пѣсы на петербургской сценѣ называемый Петербургомъ, а при представленіи ея на московской сценѣ—Москвою), отправляется къ Морденко Крестовскаго, ахъ, извините, мы опять перемѣшались, не къ Морденко, а къ своему дядюшкѣ Арханову; впрочемъ, наша ошибка весьма извинительна, потому что Архановъ какъ двѣ капли воды похожъ на Морденко, даже и сцена между Архановымъ и Горпнымъ имѣетъ сходство со сценою, происходящею въ *Петербургскихъ труппахъ* между Морденко и Версовымъ.

Въ 3-мъ актѣ Пашинскій превращается въ Кречинскаго (вѣдь не даромъ же мы назвали его злымъ духомъ, а черти вѣдь, извѣстно, умѣютъ принимать

всякіе виды); у него есть даже свой Расплюевъ—Гуляковъ. Робертъ-Горпня въ монастырѣ Розалин, т. е. въ горномъ вертепѣ Пашинскаго. Какъ въ развалинахъ монастыря Вертрамъ заставляетъ плясать Роберта по своей дудочкѣ, такъ и Пашинскій овладѣваетъ поплотъ Горпнымъ, обыгравъ его до чиста и обѣщавъ дать ему взаймы денегъ.

Весь этотъ актъ, кромѣ общаго своего сходства съ оперою Скриба, въ частности папоминаетъ также и *Свадьбу Кречинскаго и Иероковъ*. Г. Дьяченко, столь любимый вашими артистами драматургъ, можетъ сказать, подобно Мольеру:

«Je prend mon bien partout, ou je le trouve.»

Въ 4-мъ актѣ Кречинскій - Вертрамъ - Пашинскій превращается въ новый видъ, въ героя романа Достоевскаго *Преступленіе и наказаніе*, взламываетъ пикатилку Морденко-Арханова и воруетъ у него деньги, большею частію серіями, номера которыхъ у Арханова записаны, и часть этихъ серій даетъ взаймы Горпну.

На Горпна, возвратившагося къ своей деревнѣ, состоящую «противъ неба на землѣ», падаетъ подозрѣніе, что это онъ обокралъ Арханова. Всѣ дѣйствующіе на сценѣ приходятъ въ ужасъ, у зрителей въ театрѣ замираютъ сердца и поднимаются волосы: что-то будетъ, что-то будетъ? Катастрофа дошла до высшей точки, но вѣдь г. Дьяченко—талантъ и если знаменитымъ Деннери, Анисе Буржуа и т. п. ничего не стоило воскресить Люциль въ *Дѣтскомъ докторѣ*, заставитъ говорить нѣмаго Спмона въ *Старомъ капталѣ* и не допустить погнѣбить Дона Сезара де-Вазана отъ выстрѣловъ въ него цѣлаго взвода солдатъ, то почему русскій знаменитый драматургъ затрудняется выпутать своего героя изъ затруднительнаго положенія? Для этого онъ приводитъ въ имѣніе Горпна, хоть и Богъ знаетъ зачѣмъ, Пашинскаго и заставляетъ режиссера ни на минуту не опоздать выпускомъ на сцену актера, одѣтаго жандармомъ, съ губернаторскимъ предписаніемъ и фотографическою карточкою Пашинскаго, по которой узнается, что деньги у Арханова укралъ Пашинскій, а не Горпня; г. Дьяченко сумѣетъ оправдать своего героя, даже награждать его послѣдствомъ послѣ дядюшки и сперхъ того, при опущеніи занавѣса, радъ вящей картинности и эффекта, подпустить ребенка, маленькую дочь своего героя. И вотъ говорятъ, что французская мелодрама безслѣдно согнана съ нашей сцены! Нѣтъ, она оставила на пей сѣмена, которыя упали на песочкѣмъ бесплодную почву и начинаютъ успѣшно прозябать въ произведеніяхъ русскихъ драматурговъ.

Новая пѣса г. Дьяченко не вызвала рукоплесканій у нашей публики, развѣнчавшейся оглушительными аплодисментами по окончаніи разныхъ *Семейныхъ пороковъ*, *Святскихъ ширнѣ*, *Воробушиновъ* и т. п. Изъ этого одного уже можно судить, каково новое созданіе г. Дьяченко!

А между тѣмъ наши актеры потратили не мало труда на исполненіе этой комедіи. Намъ особенно было жалъ гг. Шумскаго и Вильде, у которыхъ роли были не маленькія, и видно было, что они употребили старанія передать ихъ какъ можно лучше, по изъ вчего и не вышло ничего, хотя г. Шумскій, за отсутствіемъ вступреннаго содержанія въ роли Арханова, хорошо передалъ вѣшнія характеристическія черты и всѣ переходы, которые только можно было подмѣтить въ этой роли.

Въ вод. *Слабая струна*, обѣ новыя исполнительницы, г-жи Горохова 2-я и Мочалина, были недурны, хотя и хуже первыхъ исполнительницъ этого водевиля. Имъ не доставало той сценической опытности и той талантливости, которыя были въ г-жахъ Бороздяной 2-й и Колосовой.

Бенефисъ суфлеровъ нашей драматической труппы заключился дивертисментомъ. Въ былое время, т. е. лѣтъ пять тому назадъ, всѣ бенефисы оканчивались дивертисментами; за то они и сдѣлались какими-то стереотипными. Въ составъ ихъ входила неминуемо или русская, или цыганская, или казацкая пляска. Теперь рѣдко бенефисъ заканчивается дивертисментомъ, за то дивертисменты составляютъ гораздо интереснѣе и лучше. Такъ въ закончившемъ бенефисъ гг. Ермолова и Витнебена были исполнены: довольно характерное *pas de la bretonne* г-жею Карпаковою 2-ю, *pas de la folie*, очень мило протанцованное г-жею Шапошвиковою и г. Дитавкинымъ, и *pas de deux*, исполненное г-жею Авловою и 8 воспитанницами московскаго театральнаго училища и показавшее, что если въ настоящее время наша театральная школа не даетъ балету такихъ цѣнныхъ подарковъ, какъ Лебедева, Николаева, Собещанская, то все-таки танцевальное искусство преподается массѣ недурно.

В. Родиславскій.

ЗАМѢТКА НА СТАТЬЮ

О ВТОРОМЪ ПУБЛИЧНОМЪ СПЕКТАКЛѢ АРТИСТЧЕСКАГО КРУЖКА.

Последній публичный спектакль Артист. Кружка послужилъ поводомъ къ замѣткѣ г. Плещеева, помѣщенной въ № 15 *Антракта*, на которую я считаю себя вынужденнымъ отвѣчать. Предложенный г. Плещеевымъ вопросъ (заключающій въ себѣ косвенное, но довольно ясно выраженное неудовольствіе на распорядителей кружковскихъ спектаклей): «почему вмѣсто комедіи *Свои люди—сочтемся* были поставлены *Шутники*?»—не могъ и не долженъ былъ имѣть мѣста въ его статьѣ, такъ какъ отвѣчать на этотъ вопросъ не только неудобно, но даже невозможно. Выступать печатно, какія препятствія встрѣтились при предполагаемой постановкѣ той или другой пьесы—не въ правахъ ни распорядителей, ни старшинъ, ни кого бы то ни было! Кто не знаетъ—(странно, что г. Плещеевъ заранѣе не выяснилъ себѣ этого, прежде чѣмъ приступалъ къ напи-

санію своей статьи), съ какими хлопотами сопряжена постановка вообще всякихъ любительскихъ спектаклей, съ какими претензіями и капризами приходится бороться распорядителямъ, какія при этомъ возникаютъ неожиданности и сколько является всякихъ непредвидѣнныхъ, ничѣмъ непредотвратимыхъ обстоятельствъ, мѣшающихъ правильному ходу дѣла и ежедневно грозящихъ измѣнить, или даже измѣняющихъ предназначенную программу. Объяснять все это, указывать на подробности, называть имена,—повторяю, дѣло невозможное. Всѣмъ и каждому вѣдомо, что подобныя препятствующія обстоятельства всегда существуютъ при любительскихъ спектакляхъ,—этого довольно. Всего естественнѣе поэтому было бы приписать измѣненіе проектированнаго спектакля именно одному изъ такихъ обстоятельствъ, а не указывать на нераспорядительность, или нежеланіе со стороны Кружка. Вотъ на какомъ основаніи вопросъ: почему случилось такъ, а не этакъ—я позволяю себѣ считать по меньшей мѣрѣ лишнимъ. Доказывать то, что *Свои люди* по достоинству своему выше *Шутниковъ* также составляетъ одну изъ такихъ истинъ, которыя у французовъ извѣстны подъ названіемъ: *une verite a la M-r de la Palisse*. Конечно ни распорядители спектаклями, ни участвующіе артисты-любители противъ этого спорить не будутъ, и безъ сомнѣнія всѣ они раздѣляли въ этомъ отношеніи справедливый взглядъ г. Плещеева. Ясно, что *Свои люди* отмѣнились только вслѣдствіе необходимости, а *Шутники* поставлены были, какъ удобная замѣна. Говорю удобная въ томъ смыслѣ, что первое, на что было и должно быть обращено вниманіе при устройствѣ спектакля, это—*наличныя силы*, которыми можно располагать.

Еще болѣе страннымъ кажется мнѣ желаніе г. Плещеева, чтобы Арт. Кружокъ сразу зарекомендовалъ себя и отличился на славу и выборомъ пьесъ и исполненіемъ. Выраженіе *сразу* въ особенности удивило меня. На чемъ основывается г. Плещеевъ такія смѣлыя ожиданія: на томъ, что Кружокъ до нынѣшней зимы, въ теченіи двухъ лѣтъ, не давалъ никакихъ спектаклей?! Одно съ другимъ положительно не вяжется. Постараюсь отвѣчать на это съ возможною ясностью. Выборъ пьесъ конечно не представляетъ никакихъ трудностей. Взять лучшее, что есть въ отечественной и въ иностранныхъ литературахъ, да и поставить на сцену,—этимъ простымъ способомъ удовлетворяется высказанное требованіе. Но при этомъ необходимо соображать: 1-е, матеріальные средства Кружка (есть прекрасныя произведенія, но которыя потребовали бы большихъ расходовъ), 2-е, средства играющихъ, т. е. ихъ таланты, а также и количество участвующихъ. Главной основой кружковскихъ спектаклей въ продолженіи зимы были произведенія Гоголя (*Женитьба*, *Игроки*, *Тяжба* и наконецъ *Ревизоръ* в репертуаръ Островскаго, изъ котораго, разумѣется, выбралось то, что болѣе удобно для постановки на маленькой сценѣ и что по силамъ исполнителей. Шекспира и Мольера не ставилось потому, что начинающимъ артистамъ-любителямъ невоз-

можно было бы совладать даже и мало-мальски сносно съ произведеніями классическими, требующими болѣе солидной постановки. Это было бы тоже самое, что заставлять ребенка, еще не выучившагося ходить, прыгать чрезъ рвы и совершать скачку съ препятствіями Падивіе было бы неизбѣжно.

Соединить *силы*, разсѣяныя по разнымъ любительскимъ обществамъ, — зависить столько же отъ Кружка, сколько и отъ тѣхъ силъ, о которыхъ упоминаетъ г. Плещеевъ. Почему же и тутъ опять обвиненіе формулируется прямо противъ Кружка? Кружковская сцена для всѣхъ открыта, для талантливыхъ людей тѣмъ болѣе; слѣдовательно, если эти силы не являются въ Кружкѣ, то конечно потому, что сами не желаютъ явиться. Во всякомъ случаѣ, для желаемого сліянія *силъ* *силъ* во еднѣ, {въ одно стройное цѣлое, — потребно время, а дѣятельность нашей маленькой сцены началась только четыре мѣсяца тому назадъ. Но и за всѣмъ тѣмъ, чрезвычайно куріознымъ кажется выраженіе г. Плещеевымъ желаніе, чтобы кружковскіе спектакли показывали публикѣ *большее количество* исполнителей и чтобы одинъ и тѣже лица (г. Макшѣевъ, Лазаревъ, Кугушевъ, Сусоровъ, Заруцкій, Любюкъ и т. д.) не участвовали постоянно въ хорошихъ роляхъ, между тѣмъ, какъ онъ же, г. Плещеевъ, самъ признаетъ за ними хорошія сценическія способности и даже называетъ ихъ талантливыми! Что же нужно? Количество или качество? И развѣ не въ томъ состоитъ обязанность завѣдующихъ сценою, — развивать заявившіе уже себя таланты, давать имъ возможность упражняться и выказывать себя? Даже и такіе таланты, каковы Мартыновъ и Садовскій, безъ практики не могли бы достигнуть той степени совершенства въ искусствѣ, о которой съ справедливымъ восторгомъ говоритъ г. Плещеевъ. Г. Плещеевъ говоритъ, что публика видимо скучаетъ отъ этого однообразія, т. е. видя однихъ и тѣхъ же исполнителей, а между тѣмъ собственный его отзывъ объ игрѣ участвующихъ діаметрально противорѣчитъ этому. Вотъ вкратцѣ что сказано имъ объ игрѣ нашихъ артистовъ-любителей: «Г. Макшѣевъ (Оброшеновъ) вообще хорошъ. Г-жа Лазарева и Садовскій удовлетворительны. Г. Сусоровъ совсѣмъ былъ бы хорошъ, еслибъ былъ поглубже. Г. Заруцкій превосходенъ. Кн. Кугушевъ своей живой игрой нѣсколько скрасилъ пустой по содержанию водевилъ.» Изъ этого видно, что вообще все исполненіе было удачное, а слѣдовательно большой скуки публика испытывать не могла, хотя весь ансамбль (по словамъ г. Плещеева), то есть общее впечатлѣніе было и неполно и удовлетворительное. Публика, проходящая въ кружковскій спектакль, и не можетъ ожидать полного художественнаго наслажденія, такъ какъ она знаетъ заранее, что имѣетъ дѣло не съ законченными артистами. Встрѣчая нѣсколькихъ талантливыхъ артистовъ, видя ихъ успѣхи и имѣя передъ глазами добросовѣстное исполненіе, публика должна быть удовлетворена. Ожидать большаго она не въ правѣ.

Если цѣлое подъ часъ вяло и некрупно, то по прищипъ весьма естественной: таковъ удѣлъ всѣхъ спектаклей любителей, какъ бы хорошо они ни были организованы и какъ бы ни были талантливы исполнители: для того, чтобы пьеса представлялась зрителю, какъ *живое* цѣлое, нужно, чтобы всѣ актеры *жили* въ своихъ роляхъ, а именно этого-то и не можетъ быть въ неопытномъ любителѣ. Робость, недовѣріе къ себѣ, неоступно преслѣдующая мысль: «каково то я сыграю? что скажетъ публика?» и прочее — падаютъ на исполненіе неизбежную стѣпенность и вялость; однимъ словомъ, выходитъ *представленіе* (болѣе или менѣе удачное, смотря по способностямъ играющихъ), а не дѣйствительная жизнь, перепесенная на сцену. Высказанное здѣсь служило отвѣтомъ и на отзывъ о *Ревизорѣ*, помещенномъ въ томъ же № *Антракта*. Совершенно справедливо замѣчаетъ *Антрактъ* о г. Садовскомъ (junior), что онъ «сумѣлъ показать своей игрой, что Хлестаковъ въ такомъ-то мѣстѣ долженъ и хочетъ увлечься, испугаться, обрадоваться, и т. д., но не увлекался, не пугался и не радовался дѣйствительно». Иначе и быть не можетъ, и требовать большаго отъ начинающаго артиста, не смившагося еще со сценою, — значитъ требовать невозможнаго.

Не вдаваясь въ подробное сужденіе о способностяхъ г-жи Михайловой, которую г. Плещеевъ находитъ положительно бездарной, я считаю однакоже справедливымъ замѣтить здѣсь, что не вижу ни малѣйшаго основанія странному замечанію, сдѣланному г. Плещеевымъ: будто *публикѣ* пріятнѣе было бы видѣть въ роли Вѣрочки г-жу Мочаллину, а не г-жу Михайлову. Сколько мнѣ извѣстно, посѣтителю кружковскихъ спектаклей хотя и не выражалъ по поводу игры г-жи Михайловой никакихъ восторговъ но и непріязненныхъ выходокъ относительно этой любительницы никакихъ не дѣлалъ; — напротивъ, принималъ ее всегда радушно, наравнѣ съ весьма многими. Г-жа Мочаллина точно также хотя и производила никогда непріятнаго впечатлѣнія, но и особенныхъ восторговъ въ публикѣ не возбуждала, и поэтому на распорядителяхъ спектаклемъ не лежало никакого обязательства дать ей преимущество передъ г-жой Михайловой. Почему г. Плещеевъ говоритъ отъ лица *публики* — неизвѣстно и еще менѣе объяснимо, почему ему вздумалось сдѣлать какой-то темный намекъ на какія-то темныя соображенія! Вопросъ о талантливости г-жъ Мочаллиной и Михайловой дѣло спорное, и если распорядители несогласны въ этомъ случаѣ съ г. Плещеевымъ, то изъ этого еще никакъ не слѣдуетъ, чтобы существовали какія-либо постороннія соображенія. Г-жа Горохова (за которою можно признать дарованіе) не участвуетъ болѣе въ кружковскихъ спектакляхъ по собственному нежеланію.

Изъ всего сказаннаго выше, всякому добросовѣстному читателю не трудно заключить, что вообще сравнивать кружковскихъ любителей съ артистами московской драматической труппы — не слѣдуетъ. Это тоже, что сравнивать дѣтей съ людьми взрослыми

Если я скажу, что гимназистъ 2-го класса не можетъ написать такихъ стиховъ, какіе написаны г. Плещеевымъ, то и скажу совершенно истинную и крайне обидно было бы г. Плещееву, еслибъ я сравнилъ даже и хорошіе стихи такого юности съ его талантливою поэзіей. Допуская, что и можетъ породиться такой субъектъ, который, находясь еще на школьной скамьѣ, напишетъ лучше г. Плещеева, это будетъ во великомъ случаѣ феноменальнымъ исключеніемъ, а общее правило все-таки останется неизмѣннымъ, то есть, что неопытный гимназистъ превзойдетъ г. Плещеева въ стихосложеніи не можетъ. Дайте ученику развиваться, вырасти, окрѣпнуть и тогда, пожалуй,—сравнивайте! Приходи въ спектакль Артистическаго Кружка, будьте требовательны, по требовательны въ границахъ возможнаго!

И. Вильде.

ТРИ ПИСЬМА КЪ РЕДАКТОРУ.

I.

Читателямъ *Антракта* должно быть извѣстно, что между большинствомъ публики, посѣщающей наши московскіе театры, вошло въ обыкновеніе, при исполненіи вообще всѣхъ пьесъ, вынимать любимыхъ артистовъ и артистокъ не по окончаніи пьесъ и не во время антрактовъ, а во время самаго представленія, когда пьеса идетъ во всемъ своемъ разгарѣ. Такъ какъ въ нашъ вѣкъ все идетъ прогрессивно, то и это обыкновеніе въ свою очередь принимаетъ огромные размѣры и иногда достигаетъ того, что казалъ бы ушп, да я бѣжалъ изъ театра. Эти вызовы положительно вредятъ не только единству дѣйствія и ходу пьесъ, но затрудняютъ остальныхъ дѣйствующихъ лицъ, беспокоятъ напрасно артистовъ и совершенно уничтожаютъ то обаяніе, которое должно ощущать разумный зритель при исполненіи хорошей пьесы, разыгрываемой даровитыми артистами. Вотъ объ этихъ-то вызовахъ, которые не однимъ намъ, но и многимъ не по сердцу, мы и хотимъ сказать нѣсколько словъ.

Дружнныя рукоплесканія и вызовы для каждаго артиста есть вещь очень важная, такъ какъ они поощряютъ игру его, но и то и другое должно быть умѣстно.

Я думаю, многие помнятъ—это было не такъ давно,—когда московская публика была несравненно внимательнѣе и деликатнѣе къ нашимъ артистамъ и не смѣшвала театра съ кукольной комедіей, или балагапомъ, гдѣ можно кричать и шумѣть сколько угодно и когда угодно, ни мало не мѣшая ни паяцамъ, ни пискливому «перушкѣ», а вызывала артистовъ, для заявленія имъ своего удовольствія и благодарности, только по окончаніи пьесъ и то не болѣе трехъ, четырехъ разъ.

Эти благоразумные вызовы ясно доказывали, что публика, глубоко уважая артистовъ, не желала утомить ихъ многократными вызовами, такъ какъ хорошо понимала, что эти вызовы ничто не могутъ принести имъ, кромѣ безпокойства.

Конечно, актеръ для большинства публики есть не болѣе, ни менѣе, какъ забавникъ; по все таки и это

воззрѣніе не даетъ ей права глумиться надъ нимъ, а мѣшать игрѣ актера и заставлять его безпрестанно раскланываться, по нашему мнѣнію, рѣшительно значитъ глумиться надъ личностью артиста. Званіе это слишкомъ почтенно и съ нимъ надобно обращаться осторожно; а между тѣмъ чего-чего не дѣлается актеромъ безцеремонная публика: то вызываетъ его, то шикаетъ, то смѣется тамъ, гдѣ надо плакать, то плачетъ тамъ, гдѣ надо смѣяться. И все это выносятся бѣдный артистъ и послушно выходитъ на вызовъ крикливой публики, сознавая въ душѣ своей, что эта публика есть грозный судія его, что отъ ея одобренія зависятъ сценическіе успѣхи, а вмѣстѣ съ ними и земное его существованіе. Что же можетъ сдѣлать артистъ при подобныхъ отношеніяхъ къ публикѣ?—Рѣшительно ничего: Публика вызываетъ его разъ, два, три—двадцать, поэтъ каждый разъ долженъ покоряться ея требованіямъ, безропотно являться предъ лицомъ ея и расточать предъ нею свои поклонныя улыбки, а то, пожалуй, въ случаѣ неповиновенія, таже самая публика такъ его шикаетъ, что у него сутки двои въ ушахъ про шумитъ, не говоря уже о томъ, что долженъ чувствовать артистъ при подобномъ отношеніи къ нему публики, которое тягостнѣе для него еще болѣе, что на публику нѣтъ ни суда, ни расправы.

Выяснивъ (на сколько это хватило у насъ умѣнья) отношенія артиста къ публикѣ, мы надѣемся, что она обратитъ хоть какое нибудь вниманіе на нашу замѣтку и если большпству ея слишкомъ уже трудно разстаться съ своей привычкою, то пусть она умалитъ ее хоть на столько, на сколько требуетъ этого сценическое искусство, и будетъ вызывать артистовъ и артистокъ не во время дѣйствія, а во время антрактовъ (хотя антрактъ, или промежутокъ между дѣйствіями, какъ все извѣстно, преимущественно назначенъ для отдохновенія артистовъ); тогда эти вызовы, по крайней мѣрѣ, ни кому и ни чему не помѣшаютъ и безъ всякаго сомнѣнія будутъ гораздо пріятнѣе и для самихъ артистовъ.

И. Д.

II.

Въ литературѣ и театрѣ изстари употребляются псевдонимы, т. е. вымышленныя прозванія, подъ которыми маскируются нѣкоторые писатели и актеры, не желающіе почему бы то ни было публично открывать свою литературную и сценическую дѣятельность. Эта тайна псевдонима всегда уважалась литературнымъ міромъ и открывать настоящую фамилію носящаго псевдонимъ считалось и считается произвольнымъ на столько же, на сколько непозволительно съ кого-либо срывать маску въ маскарадѣ или оглашать чужую тайну, довѣренную постороннему лицу, или узнать какъ нибудь случайно. Совсѣмъ не такъ, кажется, разсуждаетъ журналъ *Развлеченіе* и, увлекаясь въ роляхъ своихъ обличительныхъ направленіемъ, въ статьяхъ своихъ сотрудниковъ А. В. и И. Ф.—въ (тоже псевдонимовъ, настоящія фамиліи которыхъ хотя мы и знаемъ,

но открывать ихъ, не принадлежа къ числу обличителей, не считаемъ себя въ правѣ), писавшихъ въ № № 14, 15 и 17 о любительскихъ спектакляхъ въ Нѣмецкомъ Клубѣ и Артистическомъ Кружкѣ, безцеремонно помѣщаетъ настоящія фамилии исполнителей: Запольскій, Леоптьевъ, Бруггеръ, Мочалина, не смотря на то, что всѣ они (въ томъ числѣ и пишущій эти строки) участвовали въ спектакляхъ подъ псевдонимами: *Николаевъ, Львинскій, Михайлова* и *Бахметева*, какъ и было напечатано на афишахъ. Конечно, есть власти, а именно: судебная полиция, которая разоблачаютъ и преслѣдуютъ лицъ, пменующихся ложными именами; но вѣдь это только при уголовныхъ преслѣдованіяхъ, а неужели *Развлеченіе* имѣетъ такую же власть? И что мы, бѣдные, такое надѣлали, что могли подвергнуться его преслѣдованію? Я послалъ бы это письмо въ редакцію *Развлеченія*, но опасаясь, что тамъ напечатаютъ только содержаніе его по своему, чему уже я видѣлъ примѣръ, въ № 7 этого журнала, съ письмомъ г. Скрипичина, а потому прошу дать мѣсто моей замѣткѣ въ вашей газетѣ.

Общественный.

III.

Въ № 17 *Антракта*, въ отдѣлѣ «Смѣсь», помѣщено между прочимъ, что г. Кашперовъ особенно хлопочетъ объ устройствѣ пѣвческаго общества и т. д. Вполнѣ сочувствуя всѣмъ благимъ начинаніямъ на-

шего Артистическаго Кружка, но не имѣя ни времени, ни возможности быть начинателемъ такого большаго дѣла, каково устройство пѣвческаго общества, я считаю своимъ долгомъ уведомить редакцію *Антракта*, что ея корреспондентъ получилъ неточныя свѣдѣнія.

В. Кашперовъ.

С М Ъ С Ъ.

Въ петербургскихъ газетахъ пишутъ, что слухъ о частномъ театрѣ все болѣе и болѣе проникаетъ въ общество, сообщаютъ изъ источника достовернаго, что частный театръ разрѣшенъ на 35 лѣтъ. Театръ этотъ будетъ чисто *народнымъ*, въ которомъ устроится помѣщеніе на *шесть тысячъ* челоуѣкъ; цѣна на мѣста не будетъ выше 25 копѣекъ, а репертуаръ будетъ совершенно отдѣленъ отъ репертуара императорскихъ театровъ.

Дирекція московскихъ театровъ объявила, что, начиная съ 9-го сентября сего года, на Большомъ театрѣ даны будутъ 32 представленія итальянской оперы. Подробный персоналъ ангажированныхъ итальянскихъ оперныхъ артистовъ, а равно и репертуаръ спектаклей объявлены будутъ въ самомъ непродолжительномъ времени. На эти представленія итальянской оперы дирекція открываетъ два абонемена, по 16-ти спектаклей въ каждомъ.

Редакторъ В. Родиславскій.
Издатель А. Пономаревъ.

ЧАСТНЫЯ ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Объявленіе для напечатанія въ «Антрактѣ» принимается въ конторахъ типографій Смирнова и Риса съ платою по 5 к. с. за строку обыкновеннаго шрифта.

КОНТОРА
ВЫСОЧАЙШЕ УТВЕРЖДЕННАГО ТОВАРИЩЕСТВА
ДЛЯ ФАБРИКАЦІИ ВЪ МОСКВѢ
КАЛЕТОВСКИХЪ СВѢЧЕЙ
ПЕРЕВЕДЕНЫ на Варварку, въ домъ Гарановой, противъ Палацъ бояръ Романовыхъ.

ВЪ КОНТОРѢ
КОРЕЩЕНКО СТАРШАГО и К^о,
на Мясницкой, противъ дома г. Черткова,
ПРОДАЖА И ПОКУПКА
ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ ПРОЦЕНТНЫХЪ БУМАГЪ.
ПРОДАЖА, ПОКУПКА И ССУДА ПОДЪ ЗАЛОГЪ

домовъ, земель, лѣсовъ и выкупныхъ ссудъ, по выкупнымъ предъявленнымъ сдѣлкамъ и уставнымъ грамотамъ.